

РОМАН ВОРОНОВ

ОТ ПОЛУНОЧИ ДО ПОЛУДНЯ

Роман Воронов

От полуночи до полудня

«Автор»

2026

Воронов Р.

От полуночи до полудня / Р. Воронов — «Автор», 2026

Еще одна книга о путешествии во времени, где главный герой - твоя душа, читатель, а технически сложная и энергозатратная машина, позволяющая совершать подобные перемещения - воображение благодарного автора.

© Воронов Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Час первый	5
Час второй	9
Час третий	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Роман Воронов

От полуночи до полудня

Час первый

Случилось так, что Путник в полночный час оказался на дороге, ведущей вдоль старого погоста. Кругом кромешная тьма, из звёзд на небе только *Oculus Tauri*, остальные то ли попрятались, то ли не родились; тишина, как и положено в подобных местах, на уши давит, что и вздохнуть не дает, вдобавок ветер перестал ворошить волосы на затылке... В общем, картина совсем грустная: ни звука, ни движения.

Выставил Путник руки вперёд — как бы не налететь на чего в темноте — и начал озираться по сторонам. Повернул голову направо — мрак, повернул налево — то же самое: густой, непроглядный мрак; обернулся в отчаянии — чу, а на пригорке (и как он прошёл мимо?) слабое сияние, бледно-голубой столб, прямо из земли.

Что бы сделал ты, дорогой читатель, на месте Путника? Правильно, так же, как и я, от страха бы остолбенел и опустошил желудок, коли было чего в нём, самым скорым и неприглядным образом; а может, разинув рот, выдал бы душераздирающий вопль и попытался покинуть это место, как и содержимое чрева, наискорейшим манером, не разбирая направления и наплевав на препятствия. Но наш герой, вопреки всяческой логике, направился напрямиком на светоч — правда, оговоримся сразу, на ватных, безвольных ногах.

Причина тому проста — Путник не то чтобы был из робкого десятка, скорее слыл человеком слабоумным и недоразвитым, посему прогнозировать последствия своих деяний пока ещё не научился. Подсвеченная могилка манила как-то необъяснимо, но упорно, и он, не смущаясь, топтал холмики предков, иногда падал, цеплялся то ли за кости, торчащие из них, то ли за корни, предпочитавшие оставаться наверху и не лезть в чужие, пусть и закончившиеся, жизни, вновь поднимался и, боясь потерять из вида, судорожно искал расширенными от обилия темноты зрачками свой маячок, а найдя, радовался и шёл к нему, подобно сомнамбуле, целеустремлённый и счастливый.

Последний отрезок пути к вожделенному свечению Путник преодолел на четвереньках: склон, смоченный дождём, был скользок, а редкая трава, за которую он с надеждой утопающего цеплялся дрожащими пальцами, по большей части в них и оставалась. Красный глаз Альдебарана, мерцающий прямо над головой, с усмешкой наблюдал за жалкими потугами смертного, отчаянно штурмующего могильную насыпь, перемежая при этом повизгивание котёнка с руганью портового грузчика.

Чумазый, потный, плохо соображающий, что он делает и зачем, Путник наконец перегнулся через земляной вал и, погрузив раскрасневшуюся физиономию в голубое свечение, заглянул внутрь ямы. На дне вместо традиционного гроба стояла детская люлька с младенцем. Новорождённый возлежал в свободной позе, нога на ногу, и помахивал одной рукой с ещё не отторгнутой пуповиной. Заметив гостя, он деловито и изучающе посмотрел на него.

Путник не совсем прилично икнул, скорее всего от неожиданности увиденного, а младенец, поморщившись, вдруг спросил:

— Ты, мил человек, не из беглых?

— Чего? — вылупился на дитя Путник и икнул снова, причём довольно громко, нарушив таким образом абсолютную тишину этого сакрального места.

— Не из Рая сбежал, говорю? — заорал малыш снизу. — Не глухой ты часом?

— А который час? — обиженно надул губы Путник — ему совсем не нравился такой вопрос от недоросля из ямы.

Младенец бросил взгляд на положение *Oculus Tauri* в чернеющем небе и уверенно заявил: — Четверть первого, но ты мне не ответил.

— А что не так-то? — уже раздражённо прокряхтел Путник, стряхивая с груди прилипшую грязь. — И почему ты решил, что я беглый?

— Да лицо у тебя глупо-радостное, — авторитетно заявил малыш, перестав наконец крутить пуповину, — как у всех, сбежавших из Эдема. Думаете, вырвались на свободу.

— Вы только поглядите, — нервно обратился к окружающей темноте Путник, — лицо моё ему не нравится.

— С такой рожей по земле ходить негоже, — философски парировал из могилы маленький нахал.

Путник возмущённо вскочил на ноги, злобно зыря белками выпученных глаз по сторонам.

— Мне бы лопату, закопал бы тебя, и имени не спросил.

— Лопаты здесь нет, — спокойно отреагировал на угрозу младенец, — не изобрели ещё, а имя моё — Змий Искуситель.

— Не могу сказать, что «очень приятно», — буркнул в ответ, немного успокоившись, Путник, — да и времени на тебя жалко.

— Вот о нём-то и потолкуем, — усмехнулся назвавшийся Змием малыш.

— А что о нём? — Путник присел на корточки, на самый край ямы. Несколько комьев земли из-под его ног скатились вниз, прямо в люльку. Змий брезгливо проворчал:

— Аккуратней... — И, подняв пронзительно зелёные глаза на собеседника, добавил: — Со временем. Небось думаешь, есть оно и есть, без начала и конца?

— Именно так и думаю, — Путник оглянулся в темноту. — Без начала и конца.

— А вот и не угадал. — Змий весело рассмеялся и снова принялся вертеть пуповину — ну прямо как хвост. — Оно начинается здесь.

Прозвучавшая фраза заставила Путника икнуть снова.

— Здесь?

— Здесь, — повторил младенец, — уж не глухой ли ты и впрямь?

— В яме? — съязвил Путник и подмигнул странному собеседнику.

— В яме, — не моргнув, подтвердил Змий. — Всё-таки глуповат ты пока ещё, раз всё приходится повторять дважды.

— Хорошо, а заканчивается время где, тоже скажешь, здесь, в яме? — передразнивая мимику младенца, проворчал Путник.

— Молодец, догадался, — Змий оторвал от себя пуповину. — На, возьми, время пошло.

— Куда пошло? — Путник, с отвращением посмотрев на окровавленный шнур, отрицательно покачал головой.

— Время пошло, как только ты сбежал из Рая. — Малыш облизал свою пуповину и бросил её на дно ямы, под люльку. — То есть расстался с Богом. Там, — он ткнул розовым пальцем в Альдебаран, — его не было, вернее, оно... спало.

— НЕ понимаю, — Путник развёл руками. — Там не шло, а здесь пошло.

— Подле Бога замирает всё в восхищении, — нравоучительным тоном произнес Змий, — помыслы и желания, трепыхание тел, душевные треволнения, вращение сфер и движение энергий, включая и Время.

Младенец блаженно улыбнулся поражённому собеседнику.

— Подле Бога только Любовь, а она, вобрав в себя все вибрации, суммирует их в недвижимую Гармонию.

— И куда оно пришло сейчас? — Вопрос Путника прозвучал глупо, но малолетнего лектора ничуть не смутил. — Судя по положению *Oculus Tauri*, половина первого.

— Мне пора, — поднялся на ноги Путник и уже было развернулся, но, словно вспомнив что-то, крикнул в могилу: — А почему оно заканчивается здесь?

— Ты возвращаешься к Богу, и оно останавливается, — подмигнул Змий свесившемуся у края насыпи собеседнику. — Я думал, ты уже и сам догадался.

— Я вернусь к Богу через яму? — недоверчиво хохотнул Путник, оценивая довольно скромные габариты котлована.

— Да, — абсолютно уверенно кивнул в ответ мальчик, — я поднимусь наверх, а ты спустишься, мы поменяемся местами.

Путник явственно почувствовал холодное дыхание на груди и вздрогнул.

— Как скоро?

— Когда закончится твоё Время, — младенец удивлённо расставил ручки в своей колыбели, — я думал, ты уже и сам догадался.

— Послушай, Змий, — Путник начал привыкать к ухмылочкам маленького нахала, — а могу я узнать своё время?

— До секунды, — без толики сомнения в голосе донеслось из могилы.

— Как?

— Спускайся, скажу. — Искуситель с обаятельной улыбкой на детском личике поманил пальчиком Путника.

Меньше всего сейчас, посреди ночи, хотелось нашему герою лезть в могилу, пусть даже и подсвеченную мягким, приятным для глаз сиянием, тем паче, что приглашение прозвучало из уст назвавшегося Искусителем, хоть и в облике новорождённого младенца.

— А без спуска? — на всякий случай поинтересовался Путник, отодвигаясь при этом подальше от края ямы.

— Без возвращения никак, — Змий ухмыльнулся беззубым ртом. — В Контракт по-другому не взглянешь.

Новое для него слово «Контракт» Путнику не понравилось, от него веяло обязанностями, обязательствами, ответственностью и... неумолимостью.

— Ладно, — выдохнул он облегчённо, — обойдусь.

— И то верно, — поддакнул снизу Змий, — для тебя, в нынешнем твоём положении, лишнее знание — самая страшная вещь.

— Отчего же? — искренне возмутился задетый за живое Путник: что-то внутри подсказало ему, что прозвучало оскорбление, прямое и жёсткое.

— Соседи по территории таких не любят, могут побить камнями, а для тебя самого — полное мучение. — Младенец помахал пухлыми ножками в воздухе. — Как и для меня сейчас — моё тело.

— Знание — мучение, но почему? — Путник поднял глаза на Альдебаран и подумал: «Что за светляк висит надо мной уже...»

— А сколько времени?

Искуситель присоединился к собеседнику в части созерцания *Oculus Tauri*.

— Без четверти час. Знание — это Время. — Голос из могилы несколько отвердел. — Одно позволяет получить другое.

— Снова не понятно. — Путник закинул котомку на плечи. За время разговора глаза его немного привыкли к ночному мраку, и он смог различить внизу дорогу, с которой сошёл.

— Всякая Истина раскладывается через опыт, а опыт возможен исключительно во времени, — глубокомысленно заметил Змий, пытаясь встать на ноги в своей люльке, — где нет времени, есть Бог, но нет Знания, ибо все в Нём, внутри Него. Чтобы знание оказалось внутри части Его, то есть тебя, требуется оторваться от Него и погрузиться во Время.

— Мне бы это записать, — посоветовал Путник, у которого постепенно разгонялась головная боль.

— Можешь выбить эти мои слова на каменной скрижали, потом, — рассмеялся Змий. Его маленькие пальцы уцепились в борт люльки, и он, шатаясь, как лист на ветру, поднялся на ножки.

— Я не запомню. — Путник наморщил лоб и развёл руками. — Да и чем выбивать, я на дороге кроме сухих веток ничего не встречал.

— Ты только что описал одну из функций Времени, — удовлетворённо заметил младенец, уже «научившийся» твёрдо держать голову и не мотать шеей.

— Какую?

— Старить живые организмы, «придвигать» их к краю, на котором мы с тобой встретились и... — Змий весело поводил языком по нёбу, на котором появились белые полосы зубов. — Сподвигать тем самым на обучение.

— Чему же обучилась сухая ветка? — рассмеялся Путник. — Отламываться ветром от материнского ствола?

— Теперь, лежа на земле, она знает, что своим существованием обязана дождям, питающим почву водой, а когда приходит засуха и сокоток прекращается, то она, ранее носившая на себе плоды и листья, может перейти в новое состояние, дать свет и тепло в очаге или послужить ножкой для стула, древком стрелы и ещё много чем, если окажется в руках человека, получающего, как и она, с помощью Времени, опыт знания. — Младенец, поучая собеседника, прикидывал, за что зацепиться рукой и куда поставить ногу, дабы начать свой путь наверх. — В общем, это ваше со-творчество, единство всех и вся, чистая любовь.

«Странный тип этот Змий», — бормотал про себя Путник, наощупь начав спуск с могильного холма. Для ребёнка имя чудное — лежит один в яме, светится, как застывшая молния. Только вчера перед ливнем видел такую над лесом, а уж речи ведёт...

Путник усмехнулся: Время, Знание, Бог, Рай — странно. Наступая на острые камни босыми ногами, бедняга ойкал и чертыхался. Возле крупного красного светляка в небе появились ещё три поменьше, однако мрака, в который был погружён погост, не рассеяли. Что-то внутри головы беспокойно зудило, мешало сосредоточиться на дороге. Путник пытался припомнить: среди множества слов, сказанных Искусителем, было одно, вертящееся на языке, но никак не всплывавшее в памяти во всей своей красоте и силе. Путник от напряжения даже вспотел и, потеряв осторожность, излишне широко шагнул в темноту. Может размытый дождями могильный холмик просел слишком глубоко, а может переусердствовал крот, но наш герой, в великой задумчивости ступив в углубление, на которое не рассчитывал, потерял равновесие и полетел вперёд, с широко раскрытым ртом и выставленными руками.

Столь смелый и неожиданный кульбит привёл в восторг местных лягушек, принявшихся наперебой верещать о ночном происшествии, событии весьма редком в этих хмурых и безлюдных местах.

Путник, стирая грязь с подбородка и ладоней, поднялся на ноги под задорный хохот с вершины холма. Он обернулся: сияющий столб над могилой обрёл форму яйца, внутри коего угадывались очертания человеческого ребёнка.

— Контракт, — довольно ясно донеслось из центра этого пульсирующего голубым и белым кокона, и Змий, а это несомненно был он, помахал своему незадачливому собеседнику рукой.

Час второй

Путник, поднатужившись, от души плюнул в сторону холма, на что оттуда, из плавающего над вершиной светящегося яйца, донёлся беззлобный смех и напоминание: «Время пошло».

Под ногами захрустели мелкие камешки вперемешку с прохладным песком, и можно было довольно сносно передвигаться в темноте, не сходя с дороги, ибо её обочины густо поросли колючкой, что в данном случае было даже кстати. Ночь пребывала в самом разгаре: птицы, мелкие грызуны, хищники всех мастей словно вымерли, и даже совы предпочли охоте глубокий сон, и одиночество бредущего во мраке не скрашивалось ни четвёркой светляков в небе, ни шуршанием песка под ногами, ни мысленным обращением к состоявшейся беседе, из которой Путник вынес, что Время и Знание связаны неразрывно и существовать порознь могут только в «теле» Бога, а выдавленные из него через «потовые железы» становятся достоянием желающих, с одной стороны, возможностью познавать себя, а с другой — делать это с ограничением существования.

Всё это звучало странно, противоречиво, дихотомично, как подскажет внимательный читатель, а посему едва уместалось в молодом сознании, что в конечном итоге привело к потере контроля над сигналами рецепторов на обеих ступнях и сходу, несмотря на колючки, с дороги. Очнувшись, Путник остановился, но под ногами уже давно расстился мягкий и влажный ковёр травы, а мгла, словно нарочно, сгустилась ещё больше, и бедняга, не понимая, кого проклинать сейчас, просто разрыдался. Прервал этот позорный акт проявления человеческой слабости и неверия в себя голос подозрительно знакомого тембра, произнесший «Кхе, кхе» за спиной мелко трясущейся «заблудшей овечки».

Путник резко обернулся: оказывается, он, сам того не зная, прошёл в темноте мимо раскидистого, но засохшего, судя по отсутствию листьев на торчащих во все стороны ветвей кроны, дерева. Теперь, как по мановению волшебной палочки, оно было освещено бледно-голубым сиянием, идущим от самых корней.

Поражённый неожиданной сменой мизансцены, Путник, который с недавних пор (буквально за последний час) начал проявлять не просто любопытство, а осознанную тягу к новизне (уж не Время ли постаралось?), присел на корточки и заглянул внутрь причудливо сплетённых, а возможно, и чудно переплетённых лап корневища, приподнявших ствол дерева над землёй, что наверняка послужило причиной его гибели, — в самый эпицентр свечения.

Знакомые насмешливые зелёные глаза внимательно уставились на него — мальчик, на вид лет пяти-шести, свернувшись калачиком, лежал на подстилке из мха и беззвучно шевелил губами.

— Змий? — вырвалось у Путника, и он потянулся к ребёнку, вытащить скорее бедняжку из, как ему показалось, этой утлой, нависающей всей своей древесной массой над хлипким тельцем, ловушки.

— Мил человек, а ты случайно не брата Авеля ищешь? — Ребёнок забился ещё дальше под ствол.

— Нет, а что? — опешил Путник и одёрнул руку. Весьма подросшее дитя снова, как и на могильном холме, начало говорить загадками.

— Да лицо у тебя обиженно-заинтересованное, — донеслось из укрытия.

— С таким родился. — Путник устало прислонил спину к стволу дерева. — Другого не дано.

— Меняй, — строго сказал ребёнок. — По земле ходить с такой рожей, на убийцу становишься похожий.

— Знаешь, Змий, — начал было Путник, желая наконец поставить на место завравшегося недоросля, занимающегося исключительно тем, чтобы устраивать засады на дорогах и

оскорблять, давя на внешность, которую, к слову сказать, сам Путник не считал какой-то ужасной, безобразной или убогой, а этот мелкий наглец, жизни не нюхавший, заладил «рожа», да «рожа»...

— Я Авель, — прервал собеседника мальчик, — и если ты не Каин в этот час, можем продолжить беседу.

— О Времени, — усмехнувшись, съязвил Путник, подумав, что для человеческого дитя Авель звучит гораздо приличнее, нежели Змий, да еще и Искуситель.

— А почему в этот час я могу быть каким-то Каином?

Ребёнок подполз ближе к Путнику. Свечение из-под корней усилилось и выхватило небольшое пятно вокруг дерева. Путник вытянул ноги и пихнул под бок котомку — так легче и приятнее было слушать болтовню зазнайки и любителя порассуждать о Времени.

— Потому что это час Каина, — последовал короткий ответ.

Путник, уже научившийся понимать, что его светящийся собеседник определяет время по красному светляку, болтающемуся в небе, выразительно посмотрел на Альдебаран, «застрявший» в ветвях.

Авель улыбнулся, догадался об уловке Путника и заговорщицки подмигнул ему.

— Четверть второго.

— Хорошо. — Путник сложил руки на груди и прикрыл веки. — В четверть второго часа я могу стать Каином, так?

— Запустив Знание, Время следующим своим шагом или, если тебе так удобнее, вторым часом, активирует Разрушение. — Ребёнок слегка дёрнулся и снова отполз внутрь своей норы.

— Почему так? — Путник открыл глаза и приподнялся на локте, лицо его выражало крайнюю заинтересованность. — Странно, что Знание ведёт к Разрушению.

— Ничего странного, — донеслось глухо из-под корней, — как понять устройство мира, не сломав хотя бы части его, как узнать, что внутри человека...

— Не убив его, — медленно произнёс Путник, и эта страшная мысль поразила своей простотой, своей неумолимой логикой: ледяной и беспощадной. Он сглотнул слюну, тяжело вздохнул и спросил, почему-то снова взглянув на красного светляка: — А по-другому никак?

— Время устроено так, что его волны в «первый час» несут энергию возбуждения, на которую отзывается спящее до того сознание, но следующий «пакет» имеет вибрации разделения, разрушения, расщепления, то есть, — ребёнок на мгновение умолк, а затем выдохнул, — более глубокого погружения в суть вещей и явлений.

— Но я сейчас не Каин. — Путник непроизвольно похлопал себя по груди, словно хотел убедиться, что ничего не прячет за пазухой. — И не собираюсь разбирать на органы брата Авеля, тем паче, что брата у меня нет.

— Все люди — братья, — хохотнул в своём укрытии ребёнок, но, опомнившись, спокойно продолжил: — Каина не заботят лавры патологоанатома, он, поднимая руку на брата, «выясняет» для себя причины разделения людей на плохих и хороших, добрых и злых, любимых и... нелюбимых.

Светящийся Авель в очередной раз показал взволнованное лицо меж корней, предпочитая всё же оставаться пока под их защитой.

— Этот путь обременён тяжкими последствиями, но он быстр... во Времени.

— Не понимаю, хоть убей, не понимаю! — воскликнул Путник, звонко хлопнув себя по ляжкам.

— Я Авель, а не Каин, — гордо заявил ребёнок, — Я не могу убивать, мое Время растянuto по сравнению с твоим.

— А какое оно, моё? — Путник вновь почувствовал дыхание первого часа, неумолимую тягу к познанию.

Авель мельком взглянул на *Oculus Tauri* и коротко бросил собеседнику:

— Половина второго, момент абсолютного разрушения.

— Да что, что разрушать? — Путник, дрожа от нетерпения, с силой пихнул пяткой ком земли и тут же, скривившись от боли, схватился за неё обеими руками — из огрубевшей кожи торчала иголка засохшего репейника.

— Это час, когда Знание и Разрушение просто соединяются воедино, — улыбнулся, глядя на чертыхающегося собеседника, ребёнок. — Уже всё разрушено, но, разрушив, ты осознаёшь, что разрушил.

— Как такое возможно? — Путник, заметив вдруг мотылька, устремившегося из темноты на свет, с испугу хлопнул ладонями. Насекомое серым бесформенным комочком упало к его ногам.

— Каином познающий становится неосознанно. — Ребёнок цокнул языком. — Час познания сменяется часом разрушения, само Время несёт в себе противоположные вибрации.

— Я не хотел, это вышло случайно. — Путник, оправдываясь, принялся судорожно расправлять поломанные крылышки, но, поняв безуспешность попыток, в голос разрыдался.

Альдебаран чуть сдвинулся на небосклоне, оседлав соседнюю ветку, напоминающую двухзубцовую вилку, и Авель бесстрастно констатировал: — Без четверти два, время реакции на осознание содеянного.

— Я не хотел, так получилось, — продолжал всхлипывать Путник, ногтем вырывая в земле маленькую лунку для почившего мотылька.

— Все Каины так говорят, — попытался успокоить растёкшегося по корням собеседника ребёнок, — подобного можно избежать в другом мире, с иным Временем, но не здесь, не на Земле.

— Как же Бог допускает подобное? — Путник уложил мотылька и, на радость дождевым червям, присыпал его землей.

— Он-то как раз не допускает, ибо есть абсолютная Любовь, — нравоучительно заметил Авель. — Не стоит валить на Всевышнего собственный выбор.

— Разве я выбрал этот мир? — Путник сорвал лютик и примостил цветок на могилку — получилось очень трогательно.

— Да, — покивал ребёнок, и голубое свечение от его кокона запрыгало по высохшему стволу. — Ты захотел быстрее, ты выбрал себе Время и зафиксировал его в Контракте.

— Я сам выбрал себе...? — Путник поперхнулся, судорога свела челюсти, а в глазах помутилось. — Не может быть.

— Но ты же знал, — развел руками светящийся Авель, — выбор Времени, его «скорость» определяет место воплощения.

— Были другие варианты? — казалось, Путник весьма расстроился: он поджал колени и скорбно опустил на них подбородок.

— Да, сколько звёзд на... — Тут Авель выглянул наружу — Альдебаран обзавёлся пока только троицей «спутников» — и понял, что сравнение прозвучит неуместно. — В общем, бесконечное количество.

— Да уж, — посетовал, обиженно надув губы, Путник, — и выбрал я себе местечко.

Заметно подросший ребёнок вспыхнул ярко-жёлтым светом.

— Ты о других позабыл. Голые камни, раскалённые и день, и ночь, или ледяные озёра, бесконечные и однообразные до отвращения, только поверхность, отражающая пустоту, и более ничего.

Он ловко просунулся меж корней и, выплыв из своей древесной темницы сияющим шаром, смело повис рядом с Путником.

— Такую сферу, как эта, ещё поискать. Редко из тех, кто здесь побывал, находится кто-то, желающий поменять её на другую.

— Не могу поддержать твоих восторгов, Авель, — улыбнулся Путник — от светящегося соседа веяло теплом и спокойствием, — вокруг ничего не видеть.

— Придёт время, увидишь, — пообещал сияющий собеседник.

— А кстати, сколько сейчас?

Ребёнок, на вид которому стало лет десять-двенадцать, как обычно при этом вопросе, обратил взор на *Oculus Tauri*.

— Два часа, без минуты. Тебе пора, иди дальше.

— А куда? — Путник повертел головой. — Дорогу я потерял, а топтать целину себе дороже: или угожу в яму, или, тьфу-тьфу, наступлю на скорпиона.

— Куда глаза глядят, — философски заметил Авель, разминая затёкшую от долгого сидения под корнями спину. — Твоё Время это позволяет.

— А ты, куда ты? — Путник тоже поднялся на ноги, с надеждой глядя на светящийся кокон, подтянувшийся размером почти до его груди.

— У меня нет такого выбора направлений, — скорчил довольно смешно печальную физиономию ребёнок, — моё место каждый раз строго определено.

— Кем? — Путнику совсем не хотелось оставаться одному в чернющей, непроглядной тьме.

— Контрактом, — Авель улыбнулся сквозь прозрачную голубую оболочку. — Моей подписью в нём.

— Мы ещё увидимся? — Путник в мольбе сложил руки на груди; пульсирующее сияние то и дело выхватывало из ночной пелены его глаза, полные надежды и... страха.

— Если выберешь то же направление, — весело подмигнул ребёнок, и его кокон, лопнув, как мыльный пузырь, исчез, погрузив всё вокруг в крошечный мрак.

«Желая познать, разрушаешь, а разрушив, осознаешь содеянное на обломках... — Путник устало прислонился к шершавому стволу дерева. — А на обломках без сожаления начинаешь всё заново». Мысль эта показалась нашему герою довольно глупой, и совершенно напрасно, но, как догадывается проницательный читатель, ощутить всю её глубину в своём теперешнем, расстроенном состоянии, он не мог. Время, как энергия, по словам Змия-Авеля, меняло свой знак, направление, вибрацию, заставляя душу совершать действия, предписанные таинственным Контрактом, и ко всему прочему его (Энергии Времени) текучесть была строго привязана к месту, в котором и предстояло действовать душе.

«Вот сейчас проверю, — хмыкнул про себя Путник, — замру и останусь здесь, что тогда произойдет с моим Временем?»

Красный светляк в небе слез с «вилки» и перебрался на торчащую вертикально, как копьё, ветку, несмотря на то, что Путник старался даже не дышать. С досадой плюнув под ноги, экспериментатор подхватил котомку, и, не задумываясь, шагнул в ночь.

Час третий

Едва правая нога Путешественника коснулась земли, как сверху ему на голову вылилось ведро воды. Он судорожно распахнул рот набрать воздуха, но новая порция обрушилась на макушку, а затем ещё, ещё и ещё, и так не переставая. Сбиваемый с ног потоком, успевшим подняться меньше, чем за минуту до щиколоток, Путник, шурясь от бомбардировки неисчислимых капель размером со спелую горошину, попытался взглянуть на небо: красный светляк исчез, темнота немного разряжалась, но всё ещё в её одеждах преобладали чёрно-серые тягучие тона. Переставлять ноги становилось всё сложнее; грязная, гудящая, бурлящая стремнина покрывала холодными струями уже колени, и Путник, смахивая с век ручьи дождевой воды, не пытаясь сопротивляться, отдался направлению, выбранному стихией.

Не пройдя и ста ярдов, он «повис» в водяном слое, уровень которого достиг его груди и, судя по всему, не собирался прекращать подъёма, только прибавляя в силе и упорстве. Путнику, не знакомому с классическими стилями плавания, оставалось только молить о пощаде и надеяться на внезапное и чудесное спасение, что, в случае откровенного и истово исполненного запроса, немедленно и произошло.

Активно молотящего по воде руками и на мысках достающего пока ещё до дна Путника, в затылок, довольно ощутимо, ударило проплывающее мимо бревно. Обычный человек, пребывая в расслабленном и ничего не подозревающем состоянии, сразу же лишился бы чувств от такой встречи и, возможно, утонул бы прямо на этом месте, но отчаянно борющийся за свою жизнь Путник, даже не почувствовав боли, ловко ухватился за бок вырванного где-то и увлеченного потоком ствола и, облегченно вдохнув, попытался оседлать спасительное дерево. Несколько раз вдоволь нахлебавшись грязной мути, он прекратил бессмысленные попытки и, просто уцепившись за ветку рукой, затих и принялся вглядываться в темноту сквозь непрекращающиеся струи, изрыгаемые небесами с особым усердием, выражающимся в гогочущих звуках грома и сполохах молний, разрывающих низко нависшие тучи в клочья.

Однако приключение на водных просторах в создавшихся условиях не предполагало праздного проведения времени: вместе с дождевыми потоками прибывали стволы других деревьев либо поваленных стремниной, либо срезанных молниями, трупы захлебнувшихся животных, не приспособленных к долгому пребыванию в воде, гнёзда с пищущими в ужасе птенцами, потерявшими родителей, дикие яблоки, толкающие друг друга в блестящие бока. О ноги Путника терлись чешуйчатые спины рыб, пугающие его больше всего, а грудь, подбородок и руки постепенно заклеивала лягушачья икра, скользкой до омерзения плёнкой цепляющаяся за любой предмет на поверхности.

В один момент какое-то подводное чудовище решило попробовать на зуб лодыжку терпящего бедствие, и наш герой, да не посмеет обвинить его в слабости и безволии читатель, закричал от ужаса, задёргался, рука, вся в зеленой слизи, соскользнула с бревна, и он, пораженный столь быстрым концом, пошёл ко дну.

Всё, что бедняга успел заметить в этот момент, было расплывчатое светящееся пятно, там, на поверхности, и луч света, протянувшийся к нему, как рука...

Очнулся Путник на мокрых досках плота. Открыв веки, он почувствовал горечь во рту и, перевернувшись на бок, отрыгнул зловонную жижу из глотки, а затем и из лёгких.

— Собирался строить Ковчег? — раздалось за спиной спокойно и насмешливо.

Путник медленно обернулся. На краю хлипкого и нехитрого сооружения восседал, свесив светящиеся ноги в воду, юноша пятнадцати, может, семнадцати лет, хорошо сложенный блондин с зелёными глазами.

— Авель? — прохрипел Путник, чувствуя, как к нему возвращается жизнь.

— Ной, — очень серьёзно поправил его источающий голубое сияние молодой человек.
— Так что насчет Ковчега?

— Нет, не собирался, а что?

Назвавшийся Ноем усмехнулся. Казалось, дождевые капли старательно обходили его стороной.

— Смотрю, губы у тебя потрескались, а глаза высохли, то ли от греха, то ли от неверия. Самое время строить Ковчег.

— Самое время, — глухим эхом отозвался Путник, осторожно усаживаясь на доски. — А сколько сейчас?

Ной обратил свой взор на разбушевавшиеся небесные хляби и уверенно ответил: — Полминуты третьего.

— И когда всё это безобразие закончится? — Путник прикрывал лицо ладонью, морщась от капель, не дававших ни спокойно дышать, ни нормально говорить.

— Дождь будет идти сорок дней. — Ной цокнул языком. — В твоём Времени, значит... — он сделал в уме нужные подсчеты, — ещё полминуты.

— А что потом?

— Потом потоп, — рассмеялся Ной и подвёл ладонь к горлу. — Третий час, время Очищения.

Плот проплыл мимо тела молодой женщины, прижимавшей к груди дитя — они обе были мертвы. Ворон, усевшись на лоб роженицы, деловито клевал её глазницы. Путника от такой картины вывало.

— Эй, делай это за борт, а не на палубу, — потребовал юноша тоном шкипера. Сидя на носу плота, он старательно отгребал в сторону всё, что попадалось по курсу.

— А иначе нельзя? — Путник, схватив рукой себя за горло, обратился то ли к соседу по плавсредству, то ли к Высшим силам.

— Нельзя, — прозвучал ответ бессердечного «светляка», — Землю осквернять с такой рожей, так она умрет вместе с костями и кожей.

— Что же это за время такое? — в сердцах воскликнул Путник и, выудив из воды яблоко, запустил его в ворона. На этой фразе дождь резко прекратился, и в расступившихся тучах показался Альдебаран со-товарищи.

— Начало третьего, одна минута. — Ной, оценив благородный поступок соседа, согнавшего наглую птицу с девушки, принялся собирать яблоки, на всякий случай — вдруг встретится ещё могильщик, оскверняющий память об утонувшем человечестве.

— Не ерничай. — Путник взъерошил волосы, чтобы они быстрее высохли. — Ты ведь понял меня.

— Время Разрушения меняется временем Очищения. — Ной откусил яблоко и принялся жевать его с блаженным видом.

— Утопив землю со всей живностью? — Путник непонимающе развёл руками. — Спорное решение.

— Есть вариант огня небесного, извержения вулканов, встречи с небесным же телом, чума и её разновидности, война, наконец, всех против всех. — Огрызок полетел в воду, а юноша удовлетворённо похлопал себя по животу. — Главное в очищении, омовении, испепелении и так далее, — тонкие вибрации, точнее, последствия их интерференции с тяжёлыми, «греховными».

— Так страшно, — прошептал Путник, не поняв, но почувствовав смысл сказанного Ноем.

— Зато весьма поучительно, — прокомментировал юноша с широкой, беззаботной улыбкой на лице. — Если кому-то давалось время понять, а он не удосужился, то, как правило, большой всемирный «бум» приводит неуча в чувство быстро и доходчиво. Очищение не зря

идет за Разрушением, это закономерное последствие содеянного. — Ной жизнерадостно подмигнул Путнику. — Справедливо и для общего плана, и для личного.

— Непостижимо. — У Путника перед глазами всё ещё стояла картина с вороном и рожей.

— Ещё как, — ободрил собеседника юноша и бросил ему яблоко из своих запасов. — Время сначала выдаёт душе энергию Познания, по сути, авансом, затем, во время Разрушения, она сторицей возвращается обратно за счёт деления Сути на составляющие. Так устроен мир, этот процесс всегда идет с выделением энергии связей, изначально собиравших составные части в единое целое, и вот теперь, в начале третьего часа, твоё Время насыщено энергией сверх того уровня, что имелось вначале, и оно сбрасывает его душе обратно в виде... Очищения, процесса более «тонкого», подготавливающего душу к последующему подъёму.

— Куда? — Путник с невероятным удовольствием вонзил зубы в сочную мякоть яблока.

— Тебе туда ещё рано, не время, — сбросив с лица улыбку, отрезал Ной.

— А сколько сейчас? — Путник уставился на Альдебаран.

Юноша улыбнулся — его подопечный был внимателен и хорошо усвоил значение астрономии для определения... текущего времени.

— Половина третьего.

— Уже время строить Ковчег? — потирая руки, спросил Путник, переполненный энергией и энтузиазмом.

— Он уже построен, — усмехнулся Ной и любовно похлопал по доске плота. — Ты не заметил?

— Кем, когда? — опешил Путник, комично ощупывая под собой намокшую древесину.

— Нами, прямо сейчас. — Юноша развёл руками и театрально закатил глаза. — Я думал, ты и сам уже догадался.

— И этого достаточно? — Путник поднялся на ноги и попрыгал на палубе (вместе с ним дружно подскочили собранные Ноем яблоки).

— Для чего? — Юноша отпихнул ногой назойливого сома, настойчиво пытавшегося заглотить большой палец на правой ступне.

— Для спасения человечества. — Путник, немного успокоившись, присел на корточки. Воды потопа ещё не совсем успокоились, и плот — извините, Ковчег, — довольно сильно болтал, посему так было надёжнее.

— Вполне, — как будто удивившись такому глупому вопросу, коротко ответил Ной.

— И мы никого с собой не возьмём? — вновь озадачился непоседливый Путник, вглядываясь в начинавшую редеть ночную мглу.

— Братя некого, — раздраженно заявил Ной. — На борту находятся все, кто должен быть, ведь мы сейчас в твоём Времени.

— Но другие, хотя бы девушка с ребенком?.. — У Путника не укладывалась в голове логика светящегося собеседника, столь безучастного к чужому горю.

— У каждого своё Время, — он недовольно покачал головой, — я ведь уже говорил тебе.

Красное око Альдебарана начало меркнуть. Впереди, на горизонте, осторожно, очень-очень нехотя, обозначилась ниточка рассвета. В задумчивости прислушиваясь к плещущим о днище Ковчега волнам, Путник размышлял об услышанном в надежде уловить внутри себя хоть малейший импульс согласия с Ноем, беспрестанно дёргающим ногами в воде, о Времени, убившем всё живое на земле. Он, кстати, сказать, выглядел теперь двадцатилетним молодым человеком — надо полагать, его Время здорово отличалось от... текущего.

— А сколько тебе лет? — неожиданно спросил Путник светящегося соседа. Скорость его взросления поражала: стоило отвернуться на миг, и на безусой губе проступили робкие волоски; моргнуть, и голос, выдававший только что фальцет, грубел; а вены, прятанные под розовой гладкой кожей, вдруг проявились в полную силу.

Ной — и это похоже вошло в его привычку, — с искренним удивлением уставился на Путника.

— Мы ровесники, я думал, ты и сам уже догадался.

— И в корнях древа? — Путник заискивающе посмотрел в глаза собеседника, стараясь сдержать злорадную усмешку.

— И в могильной яме, — не моргнув и глазом, спокойно согласился юноша, вытаскивая из воды ноги, утыканные пиявками. — Мы просто разошлись по своим Временам. — И он, потрогав нос, наверное, чтобы не рассмеяться, добавил: — Я

думал, ты и сам уже...

Путник покраснел, надул щеки и запыхтел, словно первые языки пламени коснулись его стоп, а дым смертоносными змеями заполз в ноздри. Картина сожжения на костре, воссозданная воображением попутчика, воодушевила Ноя, и он, покончив с последней пиявкой на колене, зачерпнул ладонями воду и плеснул её прямо в лицо Путнику.

— А что тебя не устраивает? Двадцать лет — прекрасный возраст, самый сок.

— Да мне-то уже... — заорал Путник не своим голосом, и лягушка, втихую пробравшаяся на Ковчег, от неожиданности свалилась в воду.

— Тебе — да, — дипломатично заметил молодой человек, с интересом поглядывая на ярко-рыжую полоску, неумолимо расширяющую свои владения на востоке. — Сознанию — нет.

Он встал на край Ковчег и согнул ноги в коленях. Путник догадался:

— Тебе пора?

Ной кивнул.

— Время к трём, скоро рассвет.

Вокруг и впрямь заметно посветлело, водная гладь простиралась от горизонта до горизонта: ни гор, ни холмов, ни верхушек деревьев, только лениво колышущаяся пустыня, усеянная обломками мира, еле заметный в небе Oculus Tauri и хлипкий Ковчег, несущий на себе две сущности — плотнотелую, застывшую в позе размышления, сожаления, удивления, лёгкого испуга и ментального успокоения, и светящуюся, тонкоматериальную, уверенную, непоколебимую, бесстрастную и... проходящую в этот момент времени трансформу.

— Скажешь что на прощание? — дрогнувшим голосом спросил Путник, сейчас почти уверенный в новой встрече, но помнящий об ужасах перехода от одного часа к другому.

Ной безмолвствовал, подбирая слова для собеседника, пребывающего в возрасте трёх часов. Наконец, не оборачиваясь, он произнес:

— Твой главный друг — время, твой главный враг — ты сам.

— Правда? — вырвалось совсем по-детски у Путника, и он тут же устыдился своей реплики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.